

*Анна Козачина, Георгий Самаркин
г. Красноярск, Российская Федерация*

Проблемы перевода сленга школьников в японском языке (на материале школьных интернет-блогов)

The paper is devoted to the approach to understanding common features represented in both interpreting and translating Japanese slang. The relevance of the paper is due to the growing interest not only in interpretation of the units of youth slang and the featured options represented in media, but also in researching in the realms of culture-oriented linguistics, intracultural communication and practical translation. The object is the field of problems relating to the process of translating Japanese slang. Using the methods of theoretical and empirical perception, an attempt to highlight the main characteristics observed during the process of translation was made.

Key words: translation studies, virtual discourse, the Japanese language, Japanese education, oriental studies, slang, stylistics.

Введение. Интерес к изучению молодежной речи, или сленга, объясняется постоянными изменениями, происходящими в языке. И речь подрастающего поколения является наиболее ярким примером, отражающим эти изменения, а потому требует более пристального изучения и последующей интерпретации. На сегодняшний день в свете распространения сети Интернет стало актуальным изучение и решение проблемы фиксации этих изменений, реализуемых в рамках виртуального дискурса, и, как следствие, их перевода.

Целью настоящего исследования является изучение существующих проблем перевода молодежного сленга, а также способов их решения, определенных как национальными тенденциями, так и глобальными. Предметом – проблематика перевода речи молодежи. Материалом послужили блоги школьников социальной сети Twitter (yuki_vgm6, tubasayasumete, menghua_101, pola_star, konishihroyuki, funachi_poke, scicafeshizuoka, myu_wakame, zchemistryclub, simlacrum8, stylo331, yuuzukikana, kamiyochi_ch, banigurumi, mkmkchachacha, daigorou_725, natsugu72, nisijun624 и др.) и локальной японской платформы *プログ村 /бурогу мура/* (jkkwf703, marukurosuke, masato19851011 и др.), в ходе изучения которых были выделены основные тенденции формирования сленга и подходы к его переводу.

Актуальность исследования перевода молодежной речи обусловлена растущим интересом к интерпретации молодежного сленга и характерных этому языковому пласту единиц, репрезентируемых в

различного рода сериалах, песнях, печатной продукции (манга, додзинси и т.д) и иных медиа, которые в ходе процесса глобализации набирают все большую популярность в мире. Более того, знание специфики перевода с японского языка позволяет применить знания при описании речевого портрета и поведения представителей разных социальных слоев. Исследование проводилось методами теоретического (отображение знаний в знаковом содержании) и эмпирического познаний (анализ, сравнение, интерпретация).

Теоретический базис исследования. Речь молодежи благодаря своим особенностям и функциям неоспоримо является отличительной характеристикой целого социального пласта. По мнению О.Е. Морозовой, она выполняет роль так называемого зеркала, в котором отражаются нестабильное культурное состояние социума, находящегося на грани жаргона и литературного языка [1, с. 478]. Именно молодежь, являясь носителями жаргонизмов, которые, безусловно, являются элементами их культуры, способствуют его распространению, размывая нормы языка, но при этом активно реагируя на перемены, происходящие в языке. Эмоционально-игровое начало – ключевая характеристика сленга, вследствие чего объективно нарочито искажаются слова, сообщая при этом скорее негативную коннотацию [2, с. 129; 3, с. 45-67].

Формирование сленга может происходить только в границах разговорного стиля. Это понятно: молодежный язык естественен отнюдь не для ситуаций вежливого и делового общения. Однако в первую очередь стоит указать на черты японской разговорной речи [4, с. 36-37]:

- 1) полифункциональность, распространение в различных областях общественно-массовой коммуникации;
- 2) использование разговорных фразеологизмов;
- 3) включение в свой состав элементов иных стилей;
- 4) наличие в своем фонде большого количества коллоквиализмов;
- 5) стандартный синтаксический строй может заменяться инверсией для указания смыслового акцента;
- 6) формирование различных разговорных стяжек, служащих у реципиента средством ускоренного доступа к передаваемой информации;
- 7) полисемия и расширение вариантов имплицатуры.

Применительно к японскому сленгу, стоит учитывать формирование указанных лексических единиц. Обычно выделяют следующие типы [5, с. 232]:

- 1) 新俗語 /синдзокуго/ («новый сленг»), образующийся следующими способами: а) написание заимствованных слов каной: マクる /макуру/ («питаться в Макдоналдсе»), б) соединение корней по типу «ютоёми» (соединение корней японской и китайской лексики):

痛車 /итася/ («автомобиль с аэрографией в стиле аниме»), в) замена соответствующими на раскладке клавиатуры слогами латиницы: もせあ /мосэа/ («mp3»), г) написание заимствований иероглифами (атэдзи): 垢 /ака/ («аккаунт»);

2) 略字/рякудзи/ («условные сокращения»), т.е. сокращение слов или выражений: 今晚 /комбан/ («Добрый вечер!»);

3) 顔文字/каоомдзи/ («эмотиконы»), т.е. эмодзи, составленные из символов: o/gz («разочарование»).

В аспекте перевода молодежной речи определяется подбор языковых средств, которые следует применить для наиболее точной передачи не только эксплицитного содержания, но и имплицитного. Так, применительно к настоящему исследованию, следует отметить, что в сфере японского бытового дискурса, в рамках которого представлен сленг, может наблюдаться не только единообразие языкового кода, но и смешение с субкодом, что следует понимать как смену одних языковых средств на другие. Например, в зависимости от ситуации адресант может прибегнуть к использованию другого языка (полностью переключаясь на язык или же частично). Включение же в свою речь актуальных жаргонизмов и сленгизмов в рамках конкретного языка есть смена субкода. Естественно, в контексте интерпретируемого материала это влияет на степень сложности перевода.

Также имеются случаи осложнения переводческого процесса включенными в текст лакунами, идионимами и ксенонимами, которые чаще всего приходится описывать или транслитерировать, необходимостью эксплицитировать или же продемонстрировать свою мысль не столько в русле эквивалентности стилия , сколько в подходящих для указанной сферы правил , диктуемым дискурсом, и сохранения своеобразия идиолекта. Стоит учесть, что чем неформальнее стиль сообщения, тем чаще писатель прибегает не только к идеограммам (эмодзи), но и к оригинальному использованию идеографических знаков и каны, т.е. слоговой азбуки, функционал в данном семантически цельном предложении сравним с ономотопеей.

Поэтому процесс перевода может включать в себя механическое разнообразие кодов , а именно переводческие трансформации , как адаптированных под собственный (калька, транскрипция, транслитерация), так и включенных непосредственно (языковая трансплантация). Этим объясняется подход к адекватному отображению языковой вариативности, не являющейся свободной, а определяемой социальным и стилистическим контекстом [6, с. 28-34]. К этому стоит добавить необходимость учета контекста, так как при переводе существует вероятность апелляции к информации всего текста, а не к

одной лексической единице, а в некоторых случаях значима роль пресуппозиции, так как благодаря именно фоновым знаниям позволительно восстановление пробелов или даже дополнение указанной информации.

Анализ и результаты. При изучении материала нами выделены следующие тенденции при переводе:

1) сочетание слова и идеограммы (эмодзикон), чаще всего придающее высказыванию положительную коннотацию, передается при переводе синтетическими или аналитическими средствами: それにしても天使 (●'ω'●)/сорэниситэмо тэнси/ («В любом случае ангелочек»), ないなら稼ご? (*^^*)/наинара касэго/ («Ну, раз уж нет денег, может, заработать?»);

2) поскольку инверсия в японском языке все-таки подчинена правилам построения, в переводе данная специфика может и не ощущаться вовсе, что обосновано применением дословного перевода или модуляцией: 脚のオブジェがあるなんてセンス良いこのホテル/асино обудзэга ару нантэ сэнсу йоина коно хотэру/ («У отеля этого хорошее чувство прекрасного, скажем, ног»);

3) нарочитые ошибки, обоснованные стилем текста, не могут быть переданы русским языком в виду полного отсутствия эквивалентности на уровне графических знаков: コーヒ一牛乳味うままっ/ко:хи: гю:ню: адзи уама(т)/ («Вкус кофе с молоком – объедење»);

4) нередко в аутентичном тексте можно обнаружить лакуны, которые перевести довольно сложно. В таком случае применяется как экспликация, и, как следствие, генерализация, так и калькирование: つまり、もののはれを知るには、まず「漢心」を取り去ることが必要なのです/цумари мононо оварэо сирунива мадзу карагокороо торисару котога хицуё:на но дэс/ («Иными словами, познание эстетического принципа “Моно-но аварэ”, осознания непостоянства всего сущего, лежит прежде всего в избавлении от китайского мышления»); 昨夜、夜勤前に飯テロ攻撃を受けてラーメン食べたくて仕方なかった!!/кино: якинмаэни мэситэро ко:гэкио укэтэ ра:мэн табэтакутэ сикатанаката/ («Эх, ничего не поделаешь! Вчера вечером, перед ночной сменой, насмотрелся фотографий еды, и как рамен-то захотелось»);

5) повторяющиеся иероглифы образуют семантическое целое, при переводе отображаемое целой ономапеей или экспликацией: 笑笑笑/сё:сё:сё:/ («Ха-ха-ха»), 怒怒怒/окори окори окори/ («Сильно злюсь, что нет мочи»);

6) включенные в предложение фразеологические обороты или паремии для сохранения смысла при переводе заменяются адекватными

эквивалентами или же описываются: 市進グループ塾にずっといて、「井の中の蛙大海を知らず」にならないように、娘も参戦させようと思っています /итисин гуру:пу дзюкуни дзутто итэ ино наcano кавадзу таикаио сирадзунни наранай ио:ни мусумэмэо сансэнсасэйо:то омоттэ имасу/ («Я думаю, моя дочь будет участвовать в военных действиях, дабы, пока посещает частную школу Итисин, не начала считать себя лучшей»), 俺のセンスと才能の奴、自分を売り込まずに油売ってやがる! /орэ но сэну то саино: но яцу дзibun о урикомадзу ни абурауттэ ягару/ («Особые моего склада ума и гения, никак не проявляя себя, только и делают, что бездельничают!»);

7) если в тексте присутствует кэйго или историзмы, адекватная эквивалентность достигается или подбором книжной лексики, или стандартной: 拙者、機体が特殊機能や特殊パワーで赤く変色するロボットアニメの展開大好き侍 /эсса китаига токусюкино: я токусю:пава:дэ акаку хэнсёкусуру роботгоанимэно хэнкаидасуки самураи/ («Мне очень нравятся усовершенствованные боевые аниме-роботы, особые силы и способности которых позволяют менять цвет корпуса на красный»), 持ち主を失ったカンテラの悲しい光 /мотинусио усинатта кантэрано каносии хикари/ («Печальный свет оставленной своим владельцем масляной лампы»).

Поскольку сленг есть выражение, созданное оригинальным подбором языковых средств, возникает вопрос: а как интерпретировать ту или иную мысль, передаваемую единицами молодежной речи средствами иного языка? В виду специфики образования японского сленга, были зафиксированы проблемы трактовки, так как не всем лексико-фразеологическим единицам японского языка возможно найти эквиваленты в фонде языка, на который переводят. Более того, сам материал жанра «интернет-блога» подразумевает ограниченное использование формального стиля и сдвиг в пользу разговорного, что также определяется культурно-языковыми тенденциями в рамках конкретного социума. Интернет, очевидно, не может существовать вне дискурса, который детерминируется не только жанрами, но и индивидуальными характеристиками авторов. Однако, применимо к переводу с японского стал очевиден факт, что разговорный, вежливый и почтительный стили, в которые помещаются элементы сленга, в виду отсутствия формата, не могут быть переданы в полной мере.

Таким образом, отмечается особая проблема точной передачи содержания переводимого сленга меньшим количеством лексических единиц. Адекватность обуславливается только при условии экспликации

значения. Также сохраняется вопрос включения культурного компонента различного рода фразеологизмов и историзмов. Авторская «деформация» не может быть передана, так как языки могут описываться графическими знаками разных характеров и структур. В качестве возможного решения целесообразно отклонение от четко структурированной передачи в пользу генерализации и объяснения мысли.

Выводы. Речь школьников представляется неким социокультурным синтезом, свидетельствующим о многомерности и многоплановости использования своего языка, что, очевидно, конкретизируется вовлеченностью ребенка отнюдь не исключительно в образовательный процесс. Перевод японского сленга предполагает не только трансформацию языкового кода как такового, но и адекватную передачу смысла сообщения, в котором прослеживаются культура и мышление. Пропозиция семантического целого в японском тексте пластична в контексте выборки переменных языкового фонда, служащих для передачи специфики синтаксиса, равно как и стилистически обоснованных лексико-фразеологических единиц. Однако сложность так называемой перекодировки обуславливается лакунарностью и оригинальностью, из-за чего перевод неминуемо избилует теми или иными вариантами трансформаций, которые следует применять правильно, не искажая при этом смысл.

Литература

1. Морозова О.Е. Концептосфера молодежного сленга. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Вып. 2. Нижний Новгород: ННГУ 2015. С. 478-482.
2. Краснопольская М.П. Молодежная речь: социолингвистические аспекты. *Наука. Мысль*: электронный периодический журнал. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ. 2017. № 2. С. 128-132.
3. Федорова Л.Л. Современная молодежная речь: норма или антинорма. *Русский язык*. Вып. 4. М.: 2000. С.45-67.
4. Тумаркин П.С. К характеристике японской разговорной лексики. *Япония. Язык и культура*. М.: Восток-Запад, 2002. С. 16-37.
5. Денисенко К.А. Особенности общения японской молодежи по интернету. *Сборник IV конференции молодых японоведов*: сб. научн. тр. М.: Наталис, 2013. 352 с.
6. Хомутова Т.Н. Теория языковой вариативности: социолингвистический аспект. *Вестник ЮурГУ*. Вып. 11. Челябинск: ЮурГУ, 2005. С. 28-34.